

EDN: VLLFJX
УДК 314.742

The Effect of Residential Concentration of Migrants on the Integration of Second Generation Migrants in Russia

Nataliya S. Ivanova*

*Group for Migration and Ethnicity Research
Center for Regional Research and Urban Studies
of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation*

Received 10.11.2022, received in revised form 15.11.2022, accepted 17.11.2022

Abstract. The success of the integration of second generation migrants largely depends on the context in which it takes place. The context traditionally refers to the cultural, linguistic, educational, legal and spatial environment. In Russia, over the past thirty years, areas of residential concentration of migrants have formed in the urban landscape of cities with a million inhabitants, which have become an object of public concern and research interest. The negative impact of living in these places on the integration of first generation migrants in some countries only fuels the debate. Despite the existing interest in the residential characteristics of first generation migrants, the integration of their children (second generation migrants) due to the characteristics of residence remains outside the focus of Russian research. This article aims to start a conversation about the impact of residential concentrations on the integration of second generation migrants over 18 years by comparing two groups of migrants: those living in areas with a high proportion of migrants and those living in other areas. The empirical basis of this study is the data of an online survey conducted in 2020 as part of a project by the Group for Migration and Ethnicity Research, which was devoted to the resettlement of migrants in Russia. The article presents the results of the analysis performed by Pearson's Chi-square, Mann-Whitney U-test and logistic and linear regression. It is established that the incomes of second generation migrants living in areas of residential concentration of migrants, despite their lower level of education, do not differ from the incomes of second generation migrants living in other areas. The potential income gap is supposed to be bridged by access to the social capital of neighbors, since it was found that second generation migrants from places of resident concentration live more often with distant relatives, know their neighbors in the area and find work through them.

Keywords: migrant settlement, migrant residential concentration, second generation migrants, Russia, migrant integration.

Research area: sociology.

The article is written on the basis of research work within the framework of the RANEPА state task for 2022.

Citation: Ivanova N.S. The effect of residential concentration of migrants on the integration of second generation migrants in Russia. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(1), 42–60. EDN: VLLFJX (online 2022)

Влияние мест резидентной концентрации мигрантов на интеграцию мигрантов второго поколения в России

Н.С. Иванова

*Группа исследований миграции и этничности
Центр региональных исследований и урбанистики
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Успех интеграции мигрантов второго поколения во многом зависит от контекста, в котором она происходит. К контексту традиционно относят культурную, языковую, образовательную, правовую и пространственную среду. В России за последние тридцать лет в урбанистическом ландшафте отдельных городов-миллионников сложились районы высокой концентрации мигрантов, ставшие предметом беспокойства со стороны общественности и объектом исследовательского интереса. Негативное влияние проживания в таких местах на интеграцию мигрантов первого поколения в отдельных странах только подогревает дискуссию. Несмотря на существующий интерес к резидентным характеристикам мигрантов первого поколения, интеграция их детей – мигрантов второго поколения – в связи с характеристиками проживания остается вне фокуса отечественных исследований. В данной статье ставится задача положить начало разговору о влиянии мест резидентной концентрации на интеграцию мигрантов второго поколения старше 18 лет посредством сравнения двух групп таких мигрантов: проживающих в районах с высокой долей мигрантов и проживающих в прочих районах. Эмпирической базой настоящего исследования являются данные интернет-опроса, проведенного в 2020 году в рамках проекта Группы исследований миграции и этничности, который был посвящен расселению мигрантов в России. В статье представлены результаты анализа, выполненного методами Хи-квадрата Пирсона, U-критерия Манна Уитни, логистической и линейной регрессии. Установлено, что доходы мигрантов второго поколения, проживающих в местах резидентной концентрации, несмотря на их более низкий уровень образования, не отличаются от доходов мигрантов второго поколения, проживающих в прочих районах. Потенциальный разрыв в доходах, как предполагается, может преодолеваться за счет доступа к социальному капиталу соседей, поскольку было обнаружено, что мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации чаще проживают с дальними родственниками, знают своих соседей по району и находят через них работу.

Ключевые слова: расселение мигрантов, места резидентной концентрации мигрантов, мигранты второго поколения, Россия, интеграция мигрантов.

Научная специальность: 22.00.00 – социологические науки.

Статья написана на основании научно-исследовательской работы в рамках государственного задания РАНХиГС на 2022 г.

Цитирование: Иванова Н. С. Влияние мест резидентной концентрации мигрантов на интеграцию мигрантов второго поколения в России. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(1). С. 42–60. EDN: VLLFJX (онлайн 2022)

Введение

За последние десятилетия в мире появилось много работ, посвященных роли мест резидентной концентрации этнических мигрантов в их интеграции в принимающем обществе. Исследования в разных странах не дают однозначный ответ, позитивным или негативным является влияние таких мест на интеграцию мигрантов. Ряд работ указывает на то, что проживание в районах с высокой долей мигрантов может снижать доходы и ограничивать доступ к перспективным позициям на рынке труда (Chiswick, Miller, 2005; Douzet, Robine, 2015, Costa, De Valk, 2018, Guo, Wang, Xu, Li, Wu, Dong, 2022). При этом в других исследованиях обращается внимание на потенциальные преимущества от соседства с другими мигрантами, в частности оно может защищать от дискриминации, и предоставлять доступ к социальным связям соседей (Borjas, 2000, Yen, Michael, Perdue, 2009, Jurcik, Ahmed, Yakobov, Solopieieva-Jurcikova, Ryder, 2013, Abascal, 2017). Большинство этих работ, впрочем, посвящены изучению мигрантов первого поколения, в то время как вопрос об интеграции детей мигрантов в местах резидентной концентрации практически игнорируется. Несмотря на наличие исследований о роли этнического сообщества в интеграции мигрантов второго поколения¹, работы, раскрывающие именно пространственный аспект, малочисленны.

Что же касается изучения интеграции российских мигрантов второго поколения в связи с характеристиками их проживания, то эта тема в принципе еще недостаточно разработана. Существующие проекты под руководством А. Александрова (Aleksandrov, Baranova, Ivaniushina, 2012, Aleksandrov, Ivaniushina, Kazartseva, 2015) были посвящены интеграции детей-мигрантов школьного возраста непосредственно в школах и не фокусировались на местах их проживания. Только в проекте Е. Деминцевой (Demintseva, 2019) были изучены мигранты второго поколения школьного возраста, проживающие в районах с высокой концентрацией мигрантов в целом. Кроме того, практически игнорируется тема интеграции мигрантов второго поколения во взрослом возрасте, и в настоящее время только в нескольких проектах под руководством Е. Варшавера (Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2019) и В. Мукомеля (Mukomel, 2012) исследовались интеграционные характеристики детей-мигрантов старше 18 лет. Отдельно стоит отметить, что места резидентной концентрации мигрантов в России тоже изучены довольно мало. Лишь в немногих работах исследуется интеграция мигрантов в таких районах (Erokhina, 2017, Avdashkin, 2020, Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2021), но ни в одном из известных проектов не обследуются места резидентной концентрации в связи с интеграцией мигрантов второго поколения во взрослом возрасте. Однако возможно ли измерить этот эффект? С. Шюллер и Т. Чакраборти замечают, что дизайн такого иссле-

¹ Одним из наиболее знаковых исследований является работа А. Портеса и М. Чжоу о теории сегментной ассимиляции второго поколения (Portes, Zhou, 1993).

дования требовал бы проведения эксперимента, в котором мигранты с одинаковыми социально-демографическими характеристиками распределялись по похожим районам случайным образом (Chakraborty, Schüller, 2022). В подобных исследованиях в условиях такого, скорее политического эксперимента, в рамках которого власти рандомно расселили беженцев по районам, характеризующимся разной долей мигрантов в них, на данных из отдельных европейских стран изучили, какое влияние проживание в таких локациях может оказывать на успех на рынке труда (Chakraborty, Schüller, 2022). Тем не менее из-за разного бэкграунда беженцев и мигрантов выводы таких исследований сложным образом экстраполируются на последних, так как мигранты, в отличие от беженцев, часто приезжают именно в связи с трудоустройством. При этом практически все работы о влиянии проживания трудовых мигрантов в местах их высокой резидентной концентрации на интеграцию в принимающем сообществе исследуют наличие корреляций между переменными, а не причинно-следственную связь, в то время как результаты нередко интерпретируются именно с точки зрения каузальности.

Принимая во внимание всю сложность и комплексность поставленной задачи, в данной работе предлагается начать разговор, оказывают ли места резидентной концентрации в России влияние на интеграцию детей-мигрантов во взрослом возрасте. Для этого в настоящей статье будет осуществлено сравнение двух групп мигрантов второго поколения: представители одной проживают в районах с высокой долей мигрантов, а представители другой – в других районах этих же городов. Данное исследование является частью большого проекта о расселении мигрантов, который был запущен в 2019 году Группой исследований миграции и этничности. В ходе проекта были изучены все российские города-миллионники на предмет наличия в них районов с высокой долей мигрантов. В таких городах, как Москва, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Самара, Новосибирск,

Красноярск, такие районы были выделены. На следующем этапе была проделана этнографическая работа, взяты интервью с местными жителями, а по итогу проведен интернет-опрос с гиперлокальным таргетингом, ориентированным на резидентов этих районов. Необходимо отметить, что основным фокусом исследовательского проекта были мигранты первого поколения, однако собранные данные также позволили изучить аспекты интеграции мигрантов второго поколения, что и послужило материалом для настоящей статьи. В данной статье ставится задача ответить на вопрос, различаются ли выросшие мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации и в других районах городов, и предпринимается попытка объяснить некоторые имеющиеся различия.

Обзор литературы

Места резидентной концентрации мигрантов представляют собой районы, в которых мигранты составляют значимую долю жителей. Современные исследования показывают, что проживание в таких местах имеет ряд преимуществ: эти пространства благоприятствуют созданию сетей поддержки и формированию привязанности к новому месту жительства, а также способствуют расширению возможностей на рынке труда и даже ускорению темпа натурализации мигрантов (Yen, Michael, Perdue 2009, Jurcik, Ahmed, Yakobov, Solopieieva-Jurcikova, Ryder, 2013, Abascal, 2017). В то же время, если говорить непосредственно о мигрантах второго поколения, места с большой долей мигрантов способствуют расширению доступа к рынку труда за счет обращения к социальному капиталу соседей, демонстрируют альтернативные интеграционные модели помимо встраивания в сообщество представителей мейнстрима в принимающей стране и защищают от дискриминации в подростковом возрасте (Portes, Zhou, 1993, White, Zeiders, Sefa, 2018). Однако есть немало исследований и о негативном влиянии подобных мест на интеграционные траектории мигрантов. В частности, существуют свидетельства,

согласно которым проживание мигрантов в таких районах коррелирует с более низким уровнем владения языком принимающего сообщества, высоким уровнем дискриминации, ухудшением когнитивных способностей и снижением уровня доходов (Chiswick, Miller, 2005; Douzet, Robine, 2015, Costa, De Valk 2018, Guo, Wang, Xu, Li, Wu, Dong, 2022). Мигранты второго поколения в местах резидентной концентрации также могут «нести потери» от проживания в подобных районах в виде низкой успеваемости в школе, неполучением высшего образования и снижением уровня доходов (Neuman, 2016, Preston, Ray 2020, Danzer, Feuerbaum, Piopiunik, Woessmann, 2022). Противоречивость имеющихся результатов относительно оценки успеха интеграции мигрантов как первого, так и второго поколения объясняется различием контекстов, в которых интеграция происходит. М. Круль и Й. Шнайдер (Crul, Schneider, 2010, Crul, Schneider, Lelie, 2012) отмечают, что контекст, включающий в себя характеристики образования, рынка труда, жилья, религии и законодательства, различается от страны к стране. Следовательно, при изучении интеграции мигрантов второго поколения, проживающих в российских местах их резидентной концентрации, необходимо с осторожностью относиться к результатам зарубежных исследований и с еще большей – экстраполировать эти выводы на Россию, так как сложившиеся институты, культурный опыт и политическая система имеют свои особенности.

И тем не менее анализ работ позволяет сделать некоторые выводы относительно интеграции мигрантов второго поколения, характерные для многих стран. Известно, что они в большинстве случаев интегрируются успешнее своих родителей: лучше овладевают языком принимающей страны, занимают более высокие социальные позиции, зарабатывают больше денег и чаще получают высшее образование. Что известно об интеграции второго поколения мигрантов именно в России? Большинство существующих исследований посвящены изучению детей-мигрантов в школь-

ном возрасте. Согласно этим работам, они овладевают русским языком, планируют получить высшее образование и остаться жить в России (Aleksandrov, Baranova, Ivaniushina, 2012, Mukomel, 2012). Кроме того, круги общения таких детей в значительной степени смешанные (Aleksandrov, Ivaniushina, Kazartseva, 2015). Среди всех проектов отдельного внимания заслуживает исследование Е. Деминцевой, посвященное детям-мигрантам, обучающимся в школах в подобном районе. В нем автор детально рассказывает о появлении там «мигрантских» школ, которые когда-то были школами для детей низкостатусного рабочего класса (Demintseva, 2019, 2020).

Исследований мигрантов второго поколения во взрослом возрасте значительно меньше. К наиболее известным относятся проекты В. Мукомеля и Е. Варшавера. Так, в рамках исследования В. Мукомеля были изучены жизненные планы детей-мигрантов старше 18 лет в Архангельске и Самаре и описаны их ценности и особенности восприятия социальной среды (Mukomel, 2012). Проект под руководством Е. Варшавера был посвящен более широкой теме – интеграции мигрантов в России в целом (Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2019). Его результаты показывают, что образовательные устремления мигрантов-школьников на последующих этапах конвертируются в получение высшего образования, уровень которого сопоставим с местными сверстниками. Кроме того, установлено, что мигранты второго поколения из Закавказья получают высшее образование даже чаще местных, в то время как мигранты из Средней Азии реже используют эту возможность. Относительно уровня доходов мигранты второго поколения в России не отличаются от местных жителей того же возраста. Помимо этого, данное исследование показывает, что круг общения мигрантов второго поколения состоит преимущественно из представителей, отличных от их собственной этнических категорий, но их брачные союзы при этом скорее моноэтнические. Авторы отмечают, что интеграционный успех второго поколения мигрантов

в России является не результатом усилий государства, как это, например, происходит в развитых странах, а заслугой «советского наследия» – общим культурным прошлым со отправляющими странами и эгалитарной городской средой. Но всегда ли эта среда так однородна?

В ходе реализации проекта о расселении мигрантов в России, начатого в 2018 году Группой исследований миграции и этничности, было обнаружено, что в нескольких крупных российских городах сформировались места резидентной концентрации мигрантов (Varshaver, Rocheva, Ivanova, Andreeva, 2021). Складывание таких мест происходило похожим образом: на окраинах отдельных городов преимущественно в 1990-е гг. (а в некоторых случаях в более поздний период) появились рынки, вокруг которых поселились мигранты. Спустя некоторое время в близлежащей застройке доля мигрантов оказалась значительно выше, чем в других районах города. Предварительные результаты проекта демонстрируют, что проживание в таких местах не оказывает негативного влияния на интеграцию мигрантов первого поколения, а именно: не снижает их доходы, не ослабляет укорененность в районную жизнь и не повышает долю людей той же национальности в круге общения. Именно данный проект стал той почвой, на которой возник замысел настоящей статьи, посвященной изучению интеграции мигрантов второго поколения в местах резидентной концентрации и прочих районах.

Методология

Важно предварительно обозначить, кто в данном исследовании понимается под мигрантами второго поколения. Вопрос определения данной категории мигрантов вызывает немало споров в миграционных исследованиях. В рамках одной традиции считается, что «вторым поколением мигрантов» могут считаться только люди, родившиеся в принимающей стране, а родившихся за ее пределами следует называть «промежуточным» или «полуторным» или же необходимо применять более тонкие

градации, выделяющие например «поколение 1,25» и «поколение 1,75». Приверженцами этого понимания среди прочих исследователей являются авторы крупнейшего проекта по изучению мигрантов второго поколения в Европе М. Круль и его коллеги (Crul, Schneider, Lelie, 2012: 25, Crul, Schneider, 2010). В рамках другого подхода утверждается, что все дети мигрантов вне зависимости от страны рождения могут называться термином «мигранты второго поколения». Наиболее известными сторонниками данного подхода являются авторы теории сегментной ассимиляции мигрантов второго поколения А. Портес и М. Чжоу (Portes, Zhou, 1993). В настоящей работе будет использоваться именно эта трактовка термина «мигранты второго поколения», а критерием принадлежности респондента к совокупности мигрантов второго поколения будет являться факт окончания школы в принимающей стране.

Данное исследование – часть большого проекта Группы исследований миграции и этничности о расселении мигрантов в России (Varshaver, Rocheva, Ivanova, Andreeva, 2021). «Зонтичным» образом он объединил несколько исследований, одно из которых было посвящено изучению мест резидентной концентрации в городах-миллионниках. По итогу обследования 37 случаев были выделены районы с высокой долей мигрантов в следующих городах: Москва, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Самара, Новосибирск, Красноярск. Эти районы были изучены посредством смешанных методов, которые включали в себя анализ резидентной статистики, литературы и интернет-ресурсов, экспертные, глубинные и экспресс-интервью, наблюдение и цифровую этнографию. Завершающим этапом сбора данных стал всероссийский онлайн-опрос, в рамках которого были созданы выборки, включающие анкеты, собранные в городах-миллионниках, и – дополнительно – в районах резидентной концентрации мигрантов. Информация об опросе распространялась в трех социальных сетях: Вконтакте, Instagram и Одноклассники с помощью стихийного

и гиперлокального таргетинга. Для набора респондентов были установлены квоты на основании социальной сети, страны происхождения и города проживания в России. Опрос был размещен на сайте [surveymonkey.com](https://www.surveymonkey.com).

Собранные данные позволили выделить детей-мигрантов в возрасте от 18 до 35 лет. Основанием для создания данной категории стал факт окончания школы в России при условии, что один из родителей родился в Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской или Узбекской ССР. Более половины респондентов были рождены на территории этих республики, но порядка 40 % родились в России (табл. 1). Отдельно стоит отметить, что около 7 % респондентов были членами смешанных семей, в которых мать или отец были рождены в России. Несмотря на то что опыт интеграции в смешанных и моноэтничных семьях может различаться, респонденты из этих семей были объединены в одну категорию.

Всего в массив данных вошли 443 анкеты, из которых 147 (33 %) были собраны среди живущих в местах резидентной концентрации и 296 (67 %) в других районах. Группы были сформированы на основании ответов на вопрос о месте проживания в городе: «В рамках этого опроса нам также необходимо опросить жителей окраинных районов, поэтому ответьте, пожалуйста, находится ли это жилье в районе, который называют “ [название района]”?». В случае положительного ответа респонденты были отнесены к группе, живущих в местах резидентной концентрации, а в случае отрицательного – к жителям других районов². Респонденты, ответившие «не знаю», не были включены в финальный анализ. Кроме того, из массива также были удалены анкеты, прохождение которых заняло менее 5 минут, и анкеты, ответы в которых вызвали подозрения в том, что касается искренности их

заполнения. Таким образом, в массив данных вошли анкеты (первая группа) жителей следующих районов: Котельники (Москва)³, Темерник (Ростов-на-Дону), Сортировка (Екатеринбург), Авиагородок (Самара), КрасТЭЦ (Красноярск), район Гусинобродского шоссе и улицы Хилокская (Новосибирск), а также (вторая группа) жителей этих городов помимо указанных районов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета SPSS Statistics 21. Анализ предполагал применение метода описательных статистик, в частности, вычисление медианы, среднего арифметического и стандартного отклонения. Различия по номинальным переменным были изучены с помощью таблиц сопряженности и критерия Хи-квадрат Пирсона. Анализ количественных и категориальных переменных был проведен с помощью непараметрического U-критерия Манна – Уитни, так как предварительная проверка (с помощью критериев Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка) показала статистически значимые отклонения распределений по всем анализируемым переменным от условий нормальности; кроме того, U-критерия Манна – Уитни считается одним из наиболее подходящих для анализа малых выборок. Распределение отдельных переменных было объяснено методами линейного и логистического регрессионного анализа.

Мужчины составили 55 % опрошенных, а женщины – 45 %. Кроме того, анализ по социально-демографическим переменным указал на наличие различий между проживающими в местах резидентной концентрации и в других районах: в районах высокой концентрации мигрантов живет значительно больше мужчин, чем в прочих районах. Медианный возраст респондентов находится на отметке 22 лет, группы опрошенных статистически значимо не различаются по данному критерию. Результаты

² В дополнение к этому, группы были валидированы с помощью вопроса «В месте (районе), где я живу, приезжих из других стран живет больше, чем в других местах (районах) моего населенного пункта».

³ Подробнее о том, почему город Котельники приравнивается к другим районам – в статье «Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков» (Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2021).

Таблица 1
Table 1

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Всего	
Всего	147	100 %	296	100 %	443	100 %
		33 %		67 %		100 %
Пол						
Женский	57	39 %	145	49 %	202	46 %
Мужской	90	61 %	151	51 %	241	54 %
Страна рождения						
Россия	55	37 %	105	35 %	160	36 %
Азербайджан	17	12 %	43	15 %	60	14 %
Армения	12	8 %	33	11 %	45	10 %
Грузия	6	4 %	9	3 %	15	3 %
Казахстан	1	1 %	1	0,3 %	2	0,5 %
Кыргызстан	33	22 %	69	23 %	102	23 %
Таджикистан	17	12 %	23	8 %	40	9 %
Туркменистан	0	0 %	1	0,3 %	1	0,2 %
Узбекистан	6	4 %	11	4 %	17	4 %
Другая	0	0 %	1	0,3 %	1	0,2 %
Город проживания						
Екатеринбург	46	31 %	55	19 %	101	23 %
Красноярск	19	13 %	40	14 %	59	13 %
Новосибирск	26	18 %	37	13 %	63	14 %
Москва	42	29 %	130	44 %	172	39 %
Самара	4	3 %	15	5 %	19	4 %
Ростов-на-Дону	10	7 %	19	6 %	29	7 %
Национальность респондента						
Азербайджанец/азербайджанка	39	27 %	97	33 %	136	31 %
Армянин/армянка	17	12 %	64	22 %	81	18 %
Грузин/грузинка	1	1 %	2	1 %	3	1 %
Казах/казашка	1	1 %	0	0 %	1	0,2 %
Кыргыз/кыргызка	39	27 %	83	28 %	122	28 %
Таджик/таджичка	30	20 %	29	10 %	59	13 %
Узбек/узбечка	17	12 %	18	6 %	35	8 %
Другая	2	1 %	1	0,3 %	3	1 %
Смешанная	1	1 %	2	1 %	3	1 %
Места рождения родителей						
Отец в России, мать в другой стране	3	2 %	6	2 %	9	2 %
Мать в России, отец в другой стране	5	3 %	18	6 %	23	5 %
Оба в других странах	139	95 %	272	92 %	411	93 %
Есть ответ на последний вопрос						
Есть	62	42 %	162	55 %	224	50 %
Нет	85	58 %	134	45 %	219	50 %

анализа данных по содержательным переменным будут представлены в следующей части статьи.

Результаты анализа

Ниже представлены результаты сравнения двух групп мигрантов второго поколения: проживающих в местах резидентной концентрации и проживающих в других районах. Сначала будут освещены аспекты структурной интеграции второго поколения, в частности, разница в доходах, уровне образования и уровне профессиональной подготовки по международному классификатору ISCO-08. Кроме того, для получения предварительных объяснений различий между респондентами будет проведен регрессионный анализ. Затем будут представлены сравнения социальных и культурных аспектов интеграции: поведенческих установок, а также этнических характеристик кругов общения и брачных союзов. Далее будут описаны результаты сравнения характеристик проживания двух групп и проведен анализ методом расчета регрессионной модели для переменной владения жильем. В дополнение к основному анализу интеграционных аспектов будут изучены установки респондентов относительно их районов проживания и их отношения с соседями по району.

Образование, доход, уровень профессиональной подготовки среди работающих

Различаются ли мигранты второго поколения, живущие в местах резидентной концентрации и живущие в других районах, по уровню образования, уровню профессиональной подготовки и доходам? Для поиска ответов на эти вопросы был создан подмассив, в который были включены респонденты, указавшие в качестве основного вида занятости работу⁴. Анализ уровня образования показал наличие статистически значимых различий между мигрантами второго поколения, проживающими в местах резидентной концентрации, и про-

живающими за их пределами. Мигранты второго поколения, проживающие в таких местах, реже имеют высшее образование (только в 21 % случаев против 45 %) и чаще, чем мигранты из других районов, получают только неполное среднее и начальное профессиональное образование (24 % и 13 % против 12 % и 0 %) (табл. 2). В поисках ответа на вопрос о том, играет ли место проживания в получении высшего образования мигрантами второго поколения, была рассчитана логистическая регрессионная модель. Согласно ее результатам, предиктором наличия высшего образования является возраст респондента⁵, но при этом модель также показывает имеющуюся отрицательную связь между проживанием в местах резидентной концентрации и получением высшего образования (табл. 5).

Можно ли предположить, что образовательные различия двух групп мигрантов конвертируются в различия на рынке труда и разницу в доходах? В ходе анализа данная гипотеза не подтвердилась: распределения профессиональных позиций, которые занимают на рынке труда мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации и в прочих районах, статистически значимо не различаются (шкала ISCO-08⁶) (табл. 3). Разницы в доходах между жителями районов с высокой долей мигрантов и прочих районов также не обнаружено (табл. 4). Медианный доход в обеих группах составляет 35–40 тысяч рублей. Согласно результатам регрессионного анализа, различия в зарплате среди опрошенных могут быть объяснены полом, а не районом проживания: уровень дохода среди женщин-мигранток ниже, чем у мужчин (табл. 5).

⁵ Отдельно стоит отметить, что мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации, и мигранты, проживающие в других районах, различаются по возрасту, однако коэффициент значимости этой связи пограничен. (Асимптотическая значимость U-критерий Манна-Уитни равна 0,095. Места резидентной концентрации: среднее 24, медиана 23; другие районы проживания: среднее 25, медиана 25).

⁶ Более подробно об этом «Классификаторы профессий ISCO» на сайте hse.ru/rims (Klassifikatory professii ISCO (n.d.)).

⁴ Лица, совмещающие обучение и рабочую деятельность, не вошли в анализ данного блока.

Таблица 2
Table 2

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
Какой у Вас высший уровень образования на данный момент, о чем есть диплом или аттестат?						
Неполное среднее (8 или 9 классов школы)	8	24 %	8	13 %	13,089*** ¹	0,011
Среднее общее (10 или 11 классов школы)	6	18 %	13	20 %		
Начальное профессиональное (ПТУ, лицей и т.п.)	4	12 %	0	0 %		
Среднее специальное (ссуз, техникум, колледж, медицинское училище)	8	24 %	14	22 %		
Высшее (диплом специалиста, бакалавра, магистра и т.п.)	7	21 %	29	45 %		
Наличие высшего образования						
Нет	26	79 %	35	55 %	5,419 ^a	0,020
Есть	7	21 %	29	45 %		
Итого	33	100 %	64	100 %		

¹ Здесь и далее следующие обозначения уровня значимости связи: * – $0,1 > p \geq 0,05$, ** – $0,05 > p \geq 0,01$; *** – $p < 0,01$.Таблица 3
Table 3

Уровень профессиональной подготовки по классификатору ISCO-08	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	3	10 %	10	16 %	7,096	0,419
Специалисты высшего уровня квалификации	3	10 %	15	24 %		
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	4	13 %	6	10 %		
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	3	10 %	2	3 %		
Работники сферы торговли и услуг	9	29 %	19	31 %		
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	3	10 %	5	8 %		
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	3	10 %	2	3 %		
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	3	10 %	3	5 %		
Итого	31	100 %	62	100 %		

Таблица 4
Table 4

Доход	Места резидентной концентрации	Другие районы проживания	Статистика U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость
N	33	61		
Средний ранг	45	49	932	0,554
Сумма рангов	1493	2972		
Среднее	45333	48459		
Медиана	35000	40000		
Стандартное отклонение	30160	28419		

Таблица 5
Table 5

	Высшее образование		Доход			
	Модель 1		Модель 1		Модель 2	
	Бета	Значимость	Бета	Значимость	Бета	Значимость
Проживание в месте резидентной концентрации (0-нет, 1-да)	-1,09**	0,045	-7623,97	0,199	-7899,71	0,194
Пол (0-женский, 1-мужской)	-0,30	0,537	24396,54***	0,000	24372,82***	0,000
Возраст	0,20***	0,001	-680,26	0,269	-623,86	0,349
Наличие высшего образования (0-нет, 1-да)	-	-	-	-	-1461,52	0,819
R квадрат Нэйджелкерка	0,25					
R-квадрат			0,17		0,17	

Установки, брачное поведение, круги общения

С кем хотят общаться и дружить мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации мигрантов? Для ответа на этот вопрос был предпринят анализ установок, который выявил, с людьми каких этнических категорий мигранты второго поколения предпочитают выстраивать дружеские и брачные отношения. Мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации, чаще, чем жители других районов, предпочитают дружить с людьми своей национальности⁷ (табл. 6). При этом круги общения мигрантов из разных групп похожи в части этниче-

ского состава: примерно 90 % опрошенных из каждой группы имеют друзей той же этнической категории (табл. 6). Мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации похожи на жителей других районов в части нежелания выдавать своих дочерей замуж за представителей, отличных от их этнических категорий, и их брачное поведение свидетельствует о том же: по выбору этнической принадлежности брачных партнеров группы резидентов и нерезидентов районов высокой концентрации мигрантов статистически значимо не различаются (табл. 7). Интересно отметить, что мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации чаще, чем мигранты из других районов, считают: если денег в семье достаточно, женщине не нужно работать (табл. 7).

⁷ В рамках данного опроса «этническая принадлежность» была операционализирована с помощью понятия «национальность».

Таблица 6
Table 6

	Места резидентной концентрации	Другие районы проживания	Статистика U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость
0-Полностью не согласен, 1-Скорее не согласен, 2-Скорее согласен, 3-Полностью согласен				
Я выдам дочь только за представителя своей национальности				
N	71	176		
Средний ранг	134,85	119,62	5477,5	0,106
Сумма рангов	9574,50	21053,50		
Среднее	2,13	1,89		
Медиана	3,00	2,00		
Стандартное отклонение	1,08	1,10		
Я предпочитаю дружить с людьми своей национальности и религии				
Средний ранг	140,56	117,32	5072**	0,016
Сумма рангов	9980,00	20648,00		
Среднее	1,55	1,19		
Медиана	1,00	1,00		
Стандартное отклонение	1,08	1,04		
Если денег в семье достаточно, женщине не нужно работать				
Средний ранг	143,06	116,31	4895***	0,006
Сумма рангов	10157,00	20471,00		
Среднее	2,01	1,60		
Медиана	2,00	2,00		
Стандартное отклонение	1,10	1,09		

Характеристики проживания

Есть ли различия между мигрантами второго поколения, являющимися резидентами районов разного типа, в части моделей проживания? Для поиска ответа на этот вопрос были изучены характеристики проживания двух групп мигрантов. Сравнение указало на наличие статистически значимой разницы между группами мигрантов второго поколения: жители районов резидентной концентрации мигрантов чаще жителей других районов оказались владельцами жилья и реже – арендаторами (табл. 8). Последовавший за этим регрессионный анализ показал, что владение жильем мигрантами второго поколения может быть объяснено фактом проживания с родителями, а не районом проживания (табл. 9). В среднем мигранты второго по-

коления в районах обоих типов на момент опроса прожили в среднем 2/5 части своей жизни, что равняется примерно 9 годам (табл. 11). По этому параметру группы не имеют статистически значимых различий. Отдельно был проанализирован состав соседей по жилью в двух изучаемых группах. В среднем количество жильцов в домах и квартирах мигрантов второго поколения составляет 4 человека (статистически значимые различия между группами отсутствуют) (табл. 11). Было обнаружено, что мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации, чаще, чем мигранты из других районов, соседствуют с дальними родственниками (дядями, тетями, двоюродными братьями/сестрами, зятьями, невестками, племянниками и другими родственниками) (табл. 10).

Таблица 7
Table 7

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
Брак						
Моноэтнический	13	68 %	17	57 %	0,677	0,411
Смешанный	6	32 %	13	43 %		
Итого	19	100 %	30	100 %		
Круг общения						
Все друзья моей национальности	12	17 %	14	8 %	4,526	0,21
Большинство друзей моей национальности	24	35 %	61	36 %		
Только некоторые друзья моей национальности	27	39 %	77	45 %		
Нет друзей моей национальности	6	9 %	19	11 %		
Итого	69	100 %	171	100 %		

Таблица 8
Table 8

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
Владение	76	70 %	150	60 %	3,172 ^a	0,075*
Аренда	32	30 %	98	40 %		
Итого	108	100 %	248	100 %		

Таблица 9
Table 9

	Владение жильем	
	Бета	Значимость
Проживание в месте резидентной концентрации (0-нет, 1-да)	-0,02	0,95
Пол (0-женский, 1-мужской)	0,40	0,12
Возраст	0,04	0,25
Проживание с родителями (0-нет, 1-да)	0,81**	0,01
R квадрат Нэйджелкерка	0,05	

Таблица 10
Table 10

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
Живет с мужем ли женой (в том числе незарегистрированным/ой)	19	23 %	39	20 %	0,295	0,587
Живет с ребенком/детьми	14	17 %	21	11 %	1,967	0,161
Живет с родителями	56	67 %	143	73 %	0,984	0,321
Живет с бабушками и/или дедушками	5	6 %	8	4 %	0,482	0,487
Живет с сестрами и/или братьями	38	46 %	112	57 %	3,182*	0,074
Живет с другими родственниками (дядями, тетями, двоюродными братьями/сестрами, зятьями, невестками, племянниками и другими родственниками)	14	17 %	13	7 %	6,909***	0,009
Итого	83	100 %	195	100 %		

Таблица 11
Table 11

	Места резидентной концентрации	Другие районы проживания	Статистика U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость
Количество соседей в жилье				
N	97	229		
Средний ранг	175,87	158,26	9907	0,114
Сумма рангов	17059	36242		
Среднее	4,31	4,05		
Медиана	4,00	4,00		
Стандартное отклонение	1,90	1,71		
Процент жизни в жилье от возраста				
N	126	269		
Средний ранг	208,38	193,14	15639,5	0,215
Сумма рангов	26255,5	51954,5		
Среднее	0,39	0,39		
Медиана	0,32	0,25		
Стандартное отклонение	0,32	0,44		

Установки, касающиеся района проживания

Являются ли места с высокой долей мигрантов благоприятной средой для второго поколения, и как такие мигранты относятся к своему району? Анализ различий показал, что мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации получают выгоды от района своего проживания в виде соседской помощи в поисках работы, чувства принадлежности к своему району и знакомства с его жителями. Примерно 1/6 опрошенных из числа жителей мест резидентной концентрации мигрантов соседи поспособствовали в поиске нынешней ра-

боты, при этом финансовую и прочую помощь за последний год получило одинаковое количество (14 %) респондентов в обеих группах (табл. 12). Для резидентов мест высокой концентрации мигрантов, как и для проживающих в других районах, в равной мере характерно согласие с высказыванием, согласно которому в их районе живут хорошие и надежные люди (табл. 13). Мигранты – жители районов их высокой концентрации несколько чаще жителей других районов чувствуют себя «своими» в районе и соглашаются с тем, что во время прогулок они встречают много знакомых по району (табл. 13).

Таблица 12
Table 12

	Места резидентной концентрации		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
За последний год было такое, что сосед одолжил мне денег или помог иным образом	10	14 %	24	14 %	0,009	0,926
Мою нынешнюю работу мне помог найти сосед	11	15 %	7	4 %	9,930***	0,002
Итого	71	100 %	176	100 %		

Таблица 13
Table 13

	Места резидентной концентрации	Другие районы проживания	Статистика U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость
0-Полностью не согласен, 1-Скорее не согласен, 2-Скорее согласен, 3-Полностью согласен				
Я чувствую себя своим в районе, в котором живу				
N	71	176		
Средний ранг	135,90	119,20	5403*	0,074
Сумма рангов	9649	20979		
Среднее	2,31	2,13		
Медиана	3,00	2,00		
Стандартное отклонение	0,86	0,84		
В районе, в котором я живу, в основном живут хорошие, надежные люди				
Средний ранг	130,30	121,46	5801	0,336
Сумма рангов	9251	21377		
Среднее	2,04	1,95		
Медиана	2,00	2,00		
Стандартное отклонение	0,87	0,76		
Когда я иду по району, в котором живу, я встречаю много знакомых				
Средний ранг	137,32	118,63	5302*	0,052
Сумма рангов	9750	20878		
Среднее	2,07	1,79		
Медиана	2,00	2,00		
Стандартное отклонение	0,98	1,03		

Проведенный анализ, таким образом, демонстрирует отсутствие различий между мигрантами второго поколения, живущими в местах резидентной концентрации, и мигрантами второго поколения, живущими в других районах, в доходах и позициях на рынке труда. При этом в части уровня образования группы различаются между собой: мигранты второго поколения, проживающие в районах с высокой долей мигрантов, хуже образованны, чем мигранты второго поколения из прочих районов. В ходе анализа были обнаружены различия в установках, касающихся этнической принадлежности друзей, но при этом различия в части фактического этнического состава кругов общения отсутствуют. Сравнительный анализ показал, что предпочтения выдавать до-

черей за представителей тех же этнических категорий не различаются между двумя группами. Индивидуальное брачное поведение респондентов из обеих групп совпадает с инклюзивными установками: большинство респондентов предпочитают создавать союзы с людьми, имеющими ту же этническую принадлежность, при этом различия между группами отсутствуют. Мигранты второго поколения, проживающие в местах с высокой долей мигрантов, несколько чаще соглашаются с тем, что, если в семье достаточно денег, женщине можно не работать. Характеристики проживания мигрантов второго поколения в районах резидентной концентрации в целом похожи, хотя и присутствуют некоторые различия: в таких районах мигранты второго поколения чаще владеют

жильем и соседствуют с братьями, сестрами и дальними родственниками (дядями, тетями, племянниками и прочими). Мигранты второго поколения, живущие в местах с высокой долей мигрантов, получают больше нематериальных выгод от проживания в таких районах: они чаще получают помощь от соседей в поисках работы, чувствуют себя «своими» в районе и чаще знакомятся с соседями.

Заключение и дискуссия

Интеграция мигрантов второго поколения в России в целом считается успешной. Это объясняется особенностями российского контекста: наличием общего советского культурного прошлого у отправляющих и принимающей стран, знакомой родителям-мигрантам институциональной средой и эффективной в части перемещения учащихся разного происхождения российской образовательной системой. Кроме того, места резидентной концентрации в России имеют принципиальное отличие от подобных мест в других странах. В то время как за рубежом к районам высокой концентрации мигрантов относят места, где мигранты являются большинством, в России такими местами считаются районы, где доля мигрантов колеблется на отметке порядка 30 %. Возможно, именно это не позволяет мигрантам второго поколения в полной мере испытать как негативные, так и позитивные эффекты от проживания в таких районах, наблюдающиеся в других странах. Тем не менее в ходе исследования было установлено, что работающие мигранты второго поколения, проживающие в местах резидентной концентрации мигрантов, и мигранты второго поколения, проживающие в других районах, различаются в том, что касается распространенности случаев получения высшего образования. Мигранты из мест резидентной концентрации значительно реже оканчивают университеты. При этом стоит отметить, что и выборки респондентов в районах двух типов различаются: мигранты в районах резидентной концентрации моложе жителей других районов. Однако разница в уровне образования

объясняется не только возрастом, но и местом проживания, поскольку при контроле по этому параметру регрессионный анализ указал на наличие связи между районом проживания и получением высшего образования. В части уровня доходов и уровня профессиональной подготовки мигранты второго поколения в местах резидентной концентрации не отличаются от жителей прочих районов. И здесь возникает закономерный вопрос: как такое возможно, если существующие данные об интеграции мигрантов поколения в России указывают на то, что получение высшего образования доход увеличивает (Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2018)?

Однозначного ответа на этот вопрос нет, но можно выдвинуть некоторые предположения. Исследования показывают, что сети мигрантов могут выступать в роли альтернативных «стимуляторов» доходов (Logan, Zhang, Alba, 2002, Portes, Zhou, 1993). И действительно, в ходе данного проекта были обнаружены релевантные различия между жителями районов высокой концентрации мигрантов и прочих районов: мигранты второго поколения в районах с высокой долей мигрантов чаще проживают с дальними родственниками, знают своих соседей по району и даже находят через них работу, таким образом получая доступ к социальным связям других мигрантов. Здесь можно предположить, что социальный капитал, который люди приобретают в местах резидентной концентрации, повышает доходы менее образованных мигрантов второго поколения до уровня тех, кто высшее образование имеет.

Таким образом, можно предположить, что мигранты второго поколения в России не только избавлены от негативного влияния мест резидентной концентрации, которое такие районы могут оказывать на людей в других странах, но и извлекают свои выгоды. Возможно, места резидентной концентрации в России, подобно классическим примерам сообществ сикхов-пенджабцев в Калифорнии (Portes, Zhou, 1993) и кубинцев в Майами (Portes, Rumbaut, 1996, Logan, Zhang, Alba, 2002), предлагают мигрантам

второго поколения использовать социальные связи других мигрантов и альтернативные общими рынки труда для успешной интеграции в принимающей стране. Потенциально эту идею можно развить в даль-

нейших исследованиях, посвященных изучению мигрантов второго поколения в местах резидентной концентрации, например, с помощью метода качественного биографического интервью.

Список литературы

Авдашкин А. А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2020, 2, 147–156. DOI: 10.20874/2071–0437–2020–49–2–13.

Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители мигранты во взаимодействии с российской школой. *Вопросы образования*, 2012, 1, 176–199. DOI: 10.17323/1814–9545–2012–1–176–199.

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России. *Вопросы образования*, 2015, 2, 173–195. DOI: 10.17323/1814–9545–2015–2–173–195.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. *Опрос российской молодежи разного происхождения на предмет экономических, социальных и культурных траекторий*. Результат интеллектуальной деятельности 2018622003. 11.12.2018. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39305907> (дата обращения: 03.07.2022).

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта. *Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены*, 2019, 2(150), 318–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков. *Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены*, 2021, 5(165), 425–449. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1939.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Андреева А. *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. М.: Дело, 2021. 226 с.

Деминцева Е. Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах. *Этнографическое обозрение*, 2019, 2, 98–113. DOI: 10.31857/S 086954150004878–5.

Деминцева Е. Б. От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 2020, 1(12), 152–182. DOI: 10.25285/2078–1938–2020–12–1–152–182.

Ерохина Е. А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска). *Сибирский философский журнал*, 2017, 15(4), 173–182. DOI: 10.25205/2541–7517–2017–15–4–173–182.

Классификаторы профессий ISCO. <https://www.hse.ru/rlms/rlms/classif/isco> (дата обращения: 03.07.2022).

Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции представителей полуторного поколения мигрантов. *Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»*. Российское общество социологов (Москва), 2012, 8148–8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (дата обращения: 03.07.2022).

References

Abascal M. Tu casa, mi casa: Naturalization and belonging among Latino immigrants. In *International Migration Review*, 2017, 51(2), 291–322. DOI: 10.1111/imre.12221.

Aleksandrov D. A., Baranova V. V., Ivaniushina V. A. Deti i roditeli migranty vo vzaimodeistvii s rossiiskoi shkoloj [Migrant children and parents in the interaction with the Russian school]. In *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]*, 2012, 1, 176–199. DOI: 10.17323/1814–9545–2012–1–176–199.

Aleksandrov D. A., Ivaniushina V. A., Kazartseva E. V. Etnicheskiei sostav shkol i migratsionnyi status shkol'nikov v Rossii [Ethnic composition of the schools and migration status of the schoolchildren]. In *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]*, 2015, 2, 173–195. DOI: 10.17323/1814–9545–2015–2–173–195.

Avdashkin A. A. “Kitaiskii” rynek v prostranstve rossiiskogo goroda (sluchai Cheliabinska) [“Chinese” market in the space of a Russian city (the case of Chelyabinsk)], In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]*, 2020, 2, 147–156. DOI: 10.20874/2071–0437–2020–49–2–13.

Borjas G. J. Ethnic enclaves and assimilation, In *Swedish Economic Policy Review*, 2000, 7, 89–122.

Chakraborty T., Schüller S. C. Ethnic enclaves and immigrant economic integration. High-quality enclave networks encourage labor market success for newly arriving immigrants. In *IZA World of Labor*, 2022, 287v2, 1–10. DOI: 10.15185/izawol.287.v2.

Chiswick B. R., Miller P. W. Do enclaves matter in immigrant adjustment?. In *City and Community*, 2005, 4, (1), 5–35. DOI: 10.1111/j.1535–6841.2005.00101.x.

Costa R., De Valk H. A. Ethnic and socioeconomic segregation in Belgium: A multiscale approach using individualised neighbourhoods. In *European Journal of Population*, 2018, 34, 225–250. DOI: 10.1007/s10680–018–9480–6.

Crul M., Schneider J. Comparative integration context theory: Participation and belonging in new diverse European cities. In *Ethnic and Racial Studies*, 2010, 33(7), 1249–1268. DOI: 10.1080/01419871003624068.

Cru M., Schneider J., Lelie F. *The European second generation compared: Does the integration context matter?* Amsterdam University Press, 2012. 416 p.

Danzer A. M., Feuerbaum C., Piopiunik M., Woessmann L. Growing up in ethnic enclaves: language proficiency and educational attainment of immigrant children. In *Journal of Population Economics*, 2022, 35, 1297–1344. DOI: 10.1007/s00148–022–00889-y.

Demintseva E. Etnicheskie vs sotsial'nye granitsy: deti migrantov v shkolakh [Ethnic vs Social Boundaries: Children of Migrants in Schools], In *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2019, 2, 98–113. DOI: 10.31857/S 086954150004878–5.

Demintseva E. Ot “zavodskoi” do “migrantskoi” shkoly: (post)sovetskaia shkol'naia segregatsiia v gorodskom prostranstve [From “Factory” to “Migrant” School: (Post-)Soviet School Segregation in Urban Space], In *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovanii [Laboratorium: Russian Review of Social Research]*, 2020, 1(12), 152–182. DOI: 10.25285/2078–1938–2020–12–1–152–182.

Douzet F., Robine J. Les Jeunes des Banlieues: Neighborhood effects on the immigrant youth experience in France, In *Journal of Cultural Geography*, 2015, 32(1), 40–53. DOI: 10.1080/08873631.2015.1004854.

Erokhina E. Etnicheskie rynki i ikh rol' v transformatsii gorodskogo prostranstva (na primere Novosibirsk) [Ethnic markets and their role in transformation urban space (by the example of Novosibirsk)], In *Sibirskii filosofskii zhurnal [Siberian Journal of Philosophy]*, 2017, 15(4), 173–182. DOI: 10.25205/2541–7517–2017–15–4–173–182.

Guo M., Wang Y., Xu H., Li M., Wu B., Dong X. Is living in an ethnic enclave associated with cognitive function? Results from the Population Study of Chinese Elderly (PINE) in Chicago. In *The Gerontologist*, 2022, 62(5), 662–673. DOI: 10.1093/geront/gnab158.

Jurcik T., Ahmed R., Yakobov E., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. G. Understanding the role of the ethnic density effect: Issues of acculturation, discrimination and social support. In *Journal of Community Psychology*, 2013, 41(6), 662–678. DOI: 10.1002/jcop.21563.

Klassifikatory professii ISCO [ISCO occupational classifiers] (n.d.). Available at: <https://www.hse.ru/rlms/rlms/classif/isco> (accessed 3 July 2022).

Logan J. R., Zhang W., Alba R. D. (2002). Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles. In *American sociological review*, 67(2), 299–322. DOI: 10.2307/3088897.

Mukomel V. Osobennosti adaptatsii i integratsii predstavitelei polutornogo pokoleniia migrantov [Peculiarities of the adaptation and integration of the '1.5 generation' migrants.]. *Materialy IV ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiie". Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov (Moskva) [Proceedings of the IV Russian Sociological Congress «Sociology and society: global challenges and regional development». Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov (Moscow)]*. 2012. 8148–8156. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (accessed 3 July 2022).

Neuman E. Ethnic concentration and economic outcomes of natives and second-generation immigrants. *In International Journal of Manpower*, 2016, 37(1), 157–187. DOI: 10.1108/IJM-06–2014–0136.

Portes A., Rumbaut R. G. *Immigrant America: a portrait*. Berkeley, University of California Press, 1996.

Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *In The annals of the American academy of political and social science*, 1993, 530(1), 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006.

Preston V., Ray B. Placing the second generation: A case study of Toronto. *In The Canadian Geographer/Le Géographe canadien*, 2020, 64(2), 215–231. DOI: 10.1111/cag.12597.

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. Opros rossiiskoi molodezhi raznogo proiskhozhdeniia na predmet ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh traektorii [Survey of Russian youth of different backgrounds on the subject of economic, social and cultural trajectories]. *Rezul'taty intellektual'noi deiatel'nosti [Results of intellectual activity]* 2018622003. 11.12.2018. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39305907> (accessed 3 July 2022).

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. Integratsiia migrantov vtorogo pokoleniia v vozraste 18–35 let v Rossii: rezul'taty issledovatel'skogo proekta [Second Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results], *In Monitoring obshchestvennogo Mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*, 2019, 2(150), 318–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15.

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. Faktory i mekhanizmy skladyvaniia mest rezidentnoi kontsentratsii migrantov vokrug rynkov [Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets], *In Monitoring obshchestvennogo Mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*, 2021, (5(165), 425–449. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1939.

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Andreeva A. *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiia, integratsiia* [Migrants in Russian cities: settlement, concentration, integration]. Moskva: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS [Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА.], 2021, 226 p.

White R.M., Zeiders K.H., Safa M.D. Neighborhood structural characteristics and Mexican-origin adolescents' development. *In Development and psychopathology*, 2018, 30(5), 1679–1698. DOI: 10.1017/S 0954579418001177.

Yen I.H., Michael Y.L., Perdue L. Neighborhood environment in studies of health of older adults: A systematic review. *In American Journal of Preventive Medicine*, 2009, 37(5), 455–463. DOI: 10.1016/j.amepre.2009.06.022.